

DOI 10.35775/PSI.2026.128.4.016

УДК 32.327

Е.И. КУЗИНА

Руководитель направления, Российская академия
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Россия, г. Москва
E-mail: Kuzina-ei@yandex.ru

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ДИЗАЙН ПРОДВИЖЕНИЯ ЯЗЫКА: СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ США, КИТАЯ И РОССИИ

Цель исследования заключается в выявлении роли институционального дизайна в определении эффективности программ продвижения национального языка за рубежом. В статье рассматривается ограниченность концепции «мягкой силы» как аналитической рамки для объяснения различий в результатах языковой политики и предлагается альтернативный институциональный подход. Методология исследования основана на качественном сравнительном анализе с использованием подхода структурированного и сфокусированного сравнения. В качестве кейсов выбраны США, Китай и Россия как государства, представляющие различные модели институциональной организации языкового продвижения.

Результаты исследования показывают, что институциональный дизайн, включая степень централизации, уровень автономии партнеров и механизмы управления, оказывает ключевое влияние на легитимность, устойчивость и результативность языковых программ. Выявлен структурный компромисс между централизацией и легитимностью: усиление контроля повышает управляемость, но снижает доверие со стороны принимающих акторов, тогда как децентрализованные модели демонстрируют большую устойчивость при меньшей согласованности.

В заключение делается вывод о том, что институциональный подход позволяет более точно объяснить результаты языковой политики по сравнению с концепцией «мягкой силы». Практическая значимость исследования заключается в возможности применения полученных выводов при разработке государственной культурной политики, а также при выборе международных образовательных партнерств.

Ключевые слова: институциональный дизайн, мягкая сила, языковая политика, культурная дипломатия, публичная дипломатия, международные отношения, сравнительный анализ.

Введение. Вопрос о том, каким образом язык влияет на международные позиции государства, в последние десятилетия приобретает все более прикладное значение. Расширение языкового присутствия за пределами национальных границ используется не только как образовательная инициатива, но и как инструмент формирования долгосрочных связей и представлений о стране [9. С. 94].

В условиях усиливающейся конкуренции государств в культурной сфере языковая политика становится частью более широкой стратегии внешнего позиционирования [4. С. 410].

Доминирующее объяснение этих процессов долгое время предлагала теория «мягкой силы», согласно которой привлекательность культуры и ценностей способна опосредованно формировать предпочтения зарубежных акторов [9. С. 94; 10. С. 7]. Однако накопленные эмпирические наблюдения показывают, что одинаково насыщенные культурные ресурсы не приводят к одинаковым результатам. В ряде случаев государственные языковые инициативы не усиливают влияние, а, напротив, вызывают настороженность или сопротивление [14. С. 50].

Наиболее показательным примером служит динамика развития Институтов Конфуция. Несмотря на высокий спрос на изучение китайского языка, их деятельность в ряде стран оказалась ограниченной не из-за снижения интереса, а вследствие особенностей институциональной организации, интерпретируемых как форма политического контроля [17. С. 60; 20. С. 960]. Это указывает на то, что восприятие программ определяется не только их содержанием, но и способом их институционального оформления.

Сопоставление различных национальных моделей демонстрирует еще одну важную закономерность: устойчивость языковых программ зависит не столько от масштаба вложенных ресурсов, сколько от того, каким образом они встроены в принимающую среду. Например, американские образовательные программы демонстрируют способность функционировать даже в условиях политических разногласий [1. С. 10], тогда как более централизованные системы оказываются уязвимыми к внешним ограничениям [7. С. 5].

Таким образом, возникает необходимость пересмотра объяснительных рамок и перехода к анализу институциональных характеристик языковой политики. В ряде исследований уже отмечается, что ключевыми переменными выступают структура управления, распределение полномочий и характер взаимодействия с партнерами [20. С. 955]. Однако целостной модели, объясняющей влияние этих факторов, пока не сформировано.

В данной статье предлагается рассматривать языковое продвижение как форму институционального воздействия, а институциональный дизайн – как определяющий фактор его эффективности. Исследование направлено на выявление того, каким образом институциональные параметры влияют на легитимность, устойчивость и результативность языковых программ.

Научная новизна заключается в формулировке идеи структурного компромисса между централизацией и легитимностью, который позволяет объяснить различия в результатах языковой политики.

Методы и принципы исследования. Работа основана на качественном сравнительном анализе, реализованном через метод структурированного сопоставления кейсов [1. С. 3]. В качестве эмпирической базы выбраны три страны – США, Китай и Россия, демонстрирующие различные модели институциональной организации языковой политики.

Отбор кейсов обусловлен различиями в степени централизации: децентрализованная модель (США), централизованная (Китай) и смешанная (Россия). В анализ включены программы образовательных обменов, культурные центры и институционализированные формы языкового продвижения [3. С. 300].

Сравнение проводится по трем направлениям:

- структура управления;
- используемые инструменты;
- нормативные ориентиры.

Дополнительно применен элемент процесс-трейсинга, позволяющий выявить связь между институциональными характеристиками и результатами программ.

Литературный обзор. Современные исследования языковой политики в значительной степени опираются на концепцию «мягкой силы», в рамках которой влияние объясняется через привлекательность культурных и ценностных ресурсов [9. С. 94]. Однако постепенно становится очевидным, что подобное объяснение не учитывает механизмов трансформации этих ресурсов в реальные результаты [14. С. 52].

Эмпирические исследования демонстрируют, что даже при наличии высокого интереса к языку программы могут сталкиваться с институциональными ограничениями. Так, анализ Институтов Конфуция показывает, что восприятие централизованного управления снижает уровень доверия со стороны принимающих организаций [17. С. 60; 20. С. 960].

Российские программы, в свою очередь, демонстрируют зависимость эффективности от специфики целевой аудитории, прежде всего диаспоры [6. С. 80]. Американские инициативы, напротив, характеризуются большей устойчивостью благодаря распределенной структуре управления [1. С. 10].

Таким образом, в литературе постепенно формируется понимание того, что институциональные параметры играют самостоятельную роль, однако их системное осмысление остается недостаточным.

Основные результаты. Проведенный анализ позволяет выделить несколько устойчивых закономерностей.

Во-первых, уровень централизации непосредственно связан с восприятием легитимности. Жестко централизованные модели обеспечивают контроль и масштабируемость, но одновременно формируют риски недоверия [17. С. 65]. Это подтверждается опытом китайских программ, где институциональная структура стала фактором ограничений [20. С. 960].

Во-вторых, эффективность инструментов языковой политики зависит от контекста их применения. Китайская модель показывает высокие результаты в условиях экономической взаимосвязанности, но сталкивается с барьерами в институционально чувствительных средах [20. С. 970]. Российская модель демонстрирует устойчивость в ограниченном географическом пространстве [6. С. 82], тогда как американская – относительную универсальность [3. С. 305].

В-третьих, критическим фактором выступает согласованность между заявленными целями и практикой их реализации. Несоответствие этих элементов снижает доверие и ограничивает влияние [14. С. 55].

Итоговый вывод заключается в наличии структурного компромисса: увеличение степени контроля сопровождается снижением легитимности, тогда как децентрализация повышает устойчивость, но ослабляет координацию.

Таблица 1. Сравнительные характеристики моделей языковой политики

Параметр	США	Китай	Россия
Тип управления	Децентрализованный	Централизованный	Гибридный
Уровень контроля государства	Низкий	Высокий	Средний
Автономия партнеров	Высокая	Ограниченная	Частичная
Основные инструменты	Образовательные программы, обмены	Университетские центры, госпрограммы	Диаспора, культурные центры
Основная аудитория	Глобальная	Развивающиеся страны	Постсоветское пространство
Устойчивость	Высокая	Средняя	Ограниченная
Ключевой риск	Потеря согласованности	Потеря доверия	Политизация

Источник: составлено автором на основе проведенного анализа.

Обсуждение. Полученные результаты позволяют переосмыслить роль институциональных факторов в анализе языковой политики. В отличие от подходов, ориентированных на ресурсы, институциональная перспектива показывает, что решающим является способ организации взаимодействия [14. С. 52].

Централизованные модели оказываются уязвимыми в тех случаях, когда их структура воспринимается как несоответствующая нормам принимающей среды [20. С. 960]. Это объясняет, почему одинаковые программы могут давать противоположные результаты в разных странах.

Результаты также подтверждают зависимость эффективности от контекста. Отсутствие универсальности инструментов свидетельствует о необходимости учитывать особенности аудитории [20. С. 970]. С теоретической точки зрения это соотносится с конструктивистским подходом, где легитимность формируется в процессе взаимодействия [2. С. 85].

Практически это означает, что при разработке языковой политики необходимо уделять внимание не только содержанию программ, но и их институциональному оформлению.

Заключение. Проведенное исследование показывает, что различия в эффективности языковых программ объясняются не столько уровнем культурной привлекательности, сколько особенностями институционального дизайна.

Ключевыми факторами выступают:

- степень централизации;
- уровень автономии партнеров;
- согласованность между целями и практикой.

Центральным результатом является выявление устойчивого компромисса между централизацией и легитимностью.

Таким образом, языковое продвижение следует рассматривать как форму институционального воздействия, что расширяет возможности анализа в рамках международных отношений.

Дальнейшие исследования могут быть направлены на расширение эмпирической базы и использование количественных методов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Аткинсон К.** Имеет ли значение «мягкая сила»? Сравнительный анализ программ студенческого обмена 1980-2006 гг. // *Foreign Policy Analysis*. 2010. Т. 6, № 1. С. 1-22.
2. **Ворочков А.П.** Институциональное измерение политики «мягкой силы»: аналитический метод и российский опыт // *Административный консалтинг*. 2021. № 7. С. 80-96.
3. **Войцук А., Михалек М., Штормовска М.** Образование как источник и инструмент мягкой силы в международных отношениях // *European Political Science*. 2015. Т. 14, № 3. С. 298-317.
4. **Галларотти Дж.М.** Педагогические стратегии: мягкая сила, высшее образование и внешняя политика // *Journal of Political Power*. 2022. Т. 15, № 3. С. 410-434.
5. **Гил Дж.** Мягкая сила и глобальное продвижение китайского языка. Бристоль: *Multilingual Matters*, 2017. 264 с.
6. **Клюева А., Михайлова А.** Формирование «Русского мира»: культурная дипломатия русского языка и идентичности // *JOMEC Journal*. 2017. № 11. С. 75-95.
7. **Ли С.** Проблематизация мягкой силы Китая: кризис Институтов Конфуция и децентрализация стратегии продвижения языка и культуры // *The Pacific Review*. 2025. С. 1-20.
8. **Най Дж.С.** Мягкая сила: средства достижения успеха в мировой политике. Нью-Йорк: *Public Affairs*, 2004. 208 с.

9. **Най Дж.С.** Публичная дипломатия и мягкая сила // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2008. Т. 616, № 1. С. 94-109.
10. **Най Дж.С.** Мягкая сила и публичная дипломатия: пересмотр концепции // *The Hague Journal of Diplomacy*. 2019. Т. 14, № 1-2. С. 7-20.
11. **Одене М.** Продвижение культуры и укрепление влияния: Россотрудничество и «Русский мир» как инструменты мягкой силы России в постсоветскую эпоху // *Revue Russe*. 2016. № 47. С. 11-24.
12. **Пан С.Ю.** Институты Конфуция как инструмент культурной дипломатии Китая // *Asian Education and Development Studies*. 2013. Т. 2, № 1. С. 22-33.
13. **Прокопио М.** Эффективность Институтов Конфуция как инструмента мягкой силы Китая в Южной Африке // *African East-Asian Affairs*. 2015. № 1-2. С. 98-125.
14. **Ротман С.Б.** Пересмотр концепции мягкой силы: средства и механизмы // *Journal of Political Power*. 2011. Т. 4, № 1. С. 49-64.
15. **Старр Д.** Преподавание китайского языка в Европе: Институты Конфуция // *European Journal of Education*. 2009. Т. 44, № 1. С. 65-82.
16. **Сун С.-Ц.** Институты Конфуция как стратегия мягкой силы Китая // *Journal of Culture and Values in Education*. 2023. Т. 6, № 1. С. 1-14.
17. **Хартиг Ф.** Институты Конфуция и возвышение Китая // *Journal of Chinese Political Science*. 2012. Т. 17, № 1. С. 53-76.
18. **Хабберт Дж.** Китай в мире: антропология Институтов Конфуция, мягкой силы и глобализации. Гонолулу: University of Hawaii Press, 2019. 256 с.
19. **Zhu B., Li X.** Transformational governance framework for cultural diplomacy institutions: the case of Confucius Institutes // *International Journal of Cultural Policy*. 2023. Vol. 30, No. 5. P. 1-15.
20. **Popovic M., Jenne E.K., Medzihorsky J.** Cultural institutes and political influence: comparative analysis of China and Russia // *Europe-Asia Studies*. 2020. Vol. 72, No. 6. P. 955-985.

E.I. KUZINA

Area Supervisor, Russian Presidential
Academy of National Economy and Public Administration,
Moscow, Russia

INSTITUTIONAL DESIGN OF LANGUAGE PROMOTION: A COMPARATIVE STUDY OF THE UNITED STATES, CHINA AND RUSSIA

This article examines the role of institutional design in shaping the effectiveness of state-sponsored language promotion programs. It addresses the limitations of soft power theory as a dominant analytical framework and proposes an institutional perspective as a more robust alternative. The study employs a qualitative comparative methodology based on a structured and focused comparison of three cases: the United States, China, and Russia, each representing distinct models of governance in language promotion.

The findings demonstrate that institutional variables, including the degree of centralization, partner autonomy, and governance mechanisms, play a decisive role in determining program legitimacy, sustainability, and overall effectiveness. The analysis identifies a structural trade-off between centralization and legitimacy: higher levels of centralized control increase coordination but tend to reduce trust and acceptance in host-country environments, while decentralized models enhance resilience at the cost of reduced coherence.

The article concludes that institutional design provides a more precise analytical framework than soft power theory for understanding language promotion outcomes. The findings have practical implications for policymakers, universities, and international organizations engaged in cultural and educational diplomacy.

Key words: institutional design, soft power, language promotion, cultural diplomacy, public diplomacy, international relations, comparative analysis.